

— Видно, медвежье сердце и леопардовая смелость у вас, раз на такое против меня решились! Брат мой там, внутри, а вы город штурмуете? Думаете, я помер?! Если хоть волосок с головы брата моего упадёт — всем вам смерть, и трупа целого не останется!

Мэн Цэ носился сквозь вражеские ряды, словно по безлюдной степи, его отвага и ярость согревали даже ледяной северный ветер.

Мэн Чжэнь был на седьмом небе от счастья, прыгал и махал руками на стене. — Братец! Братец, я здесь!

Может, голос его был слишком громок, а может, братья чувствовали друг друга сердцем. Мэн Цэ поднял голову, увидел его и тут же нахмурился, рывкнув:

— Сиди смиренно! К чему высовываться?!

Вэй Ле, увидев, что Мэн Цэ привёл подкрепление, громко рассмеялся и тут же отдал приказ:

— Подмога пришла!!! Открывать ворота! Пойдём вместе, прикончим этих ублюдков!

Ворота распахнулись, защитники с рёвом бросились вперёд. Боевой дух их взметнулся до небес, будто все разом выпили живительный эликсир. Усталость и сон как рукой сняло, и теперь они жаждали боя!

Чжэн Ши, впереди всех на коне, первым пробился сквозь вражеские ряды и устремился к стене. Ему даже не пришлось особо стараться — лестницы, поставленные дикарями, пришлись весьма кстати. Защитники, увидев, что это свои, не только не мешали, но и прикрывали его стрелами. Так что путь его был лёгок, и вскоре он уже спрыгнул на стену и опустился на колени перед Мэн Чжэнем, не скрывая волнения. — Маленький господин!

Мэн Чжэнь поспешил поднять его. — Как вы здесь оказались? Разве дома всё спокойно? Я от Гу Тина слышал, будто дикари туда прорвались!

Чжэн Ши улыбнулся. — Прорвались, и немало. Это были главные силы, должно быть, чтобы отвлечь князя и не дать ему помощи вам подать.

Мэн Чжэнь удивился. — Вы знали?

Чжэн Ши:

— Сначала нет, но князь догадался. Северные Ди, видно, войско у дикарей одолжили, да ещё и своих людей в Цзююане заранее подготовили, и по другим местам подстраховались — задумали большую битву... Но они и не ведали, что маленький господин здесь. А раз вы здесь, князь ни за что не оставит вас.

Мэн Чжэнь забеспокоился. — А дома-то всё улажено? Брат не ранен?

Чжэн Ши снова улыбнулся. — Князь на войне, маленький господин, вы же его знаете. Со стороны — будто и не старается особо, порой и отступление кажется поспешным. Посторонним и кажется, что способности его так себе. Но когда князь по-настоящему берётся за дело, любая битва у него выигрышная, сокрушительная, так что врагу и ответить нечем. Не извольте волноваться, князь невредим, всё у него хорошо, и в резиденции порядок.

Мэн Чжэнь опустил голову. Глаза его покраснели, голос стал тихим. — Откуда ж мне не

знать... Я лучше всех знаю...

Брат его всегда был невероятно могуществен, а все эти кажущиеся неудачи и странные поступки — всё из-за него. Если бы его, Мэн Чжэня, тело не было таким немощным, брат наверняка снискал бы себе славу бога войны, гремевшую бы по всей Поднебесной.

Он чувствовал вину, но поделать ничего не мог. Его здоровье, казалось, уже никогда не поправится, как ни старайся. И характер брата, видно, тоже не изменится. Так и будут они всю жизнь тянуть друг друга вниз, пока один из них не умрёт.

Умереть он не смел — знал, что для брата он дороже всего. Умри он — брат и того, что имеет, не удержит. А допустить смерть брата — и подавно. Его брат заслуживал всего самого лучшего в этом мире...

Эмоции переполнили Мэн Чжэня. Он не сдержался, заплакал и ухватился за руку Гу Тина.

Гу Тин испугался, но понимал: жизнь у этих братьев и правда нелёгкая. Он знал, что Мэн Чжэню нельзя слишком переживать, но иногда выплакаться — куда лучше, чем держать всё в себе. Лишь бы до крови не дошло, лишь бы не заиклился.

— Всё хорошо, всё хорошо, — тихо проговорил Гу Тин, поглаживая Мэн Чжэня по спине. — Скоро брата увидишь, разве не радость? Сварю вам похлёбки, как ты любишь. Ты же говорил, брат твой баранину любит? Как-то вдовствующая княгиня обмолвилась, что на усадьбе несколько отменных барашков есть. Вот вернёмся с победой — наградят. Я одного для тебя выхлопочу, ладно?

Голос его был мягок, словно самый тёплый лунный свет летней ночи. Мэн Чжэнь понемногу успокоился, на щеках ещё играл румянец смущения. Он всхлипнул. — П-правда, баранину можно будет? А пельменей с бараниной и луком можно будет? Брат мой их очень любит...

— Конечно, — Гу Тин потрепал его по голове. — Всё, что захочешь, будет.

.....

Тем временем на севере, вдалеке, остановился отряд.

В ледящем северном ветре Фань Дачуань с недоумением посмотрел на Хо Яня. — Князь?

Хо Янь поднял руку, велел опустить княжеское знамя. Он взглянул на Мэн Цэ и без слов понял: опасность для Цзююаня миновала.

— Ему оставим. Отступаем!

В последний раз он взглянул в сторону городской стены, туда, где был Гу Тин, затем развернул коня и повёл войско обратно.

Словно по наитию, Гу Тин почувствовал что-то и посмотрел на север.

Ничего. Лишь холодный, безлюдный ветер.

Он протёр глаза. Показалось?

Взглянул на Мэн Чжэня с его покрасневшими глазами, полными волнения и радости, потом на Мэн Цэ вдалеке, который, казалось, уже сейчас рвётся к брату. Гу Тин горько усмехнулся.

Наверное, от зависти показалось, будто Хо Янь здесь.

Фань Дачуань смотрел на удаляющуюся впереди всех фигуру князя, и в глазах его читалась растерянность. — Правда... уходим?

Ся Саньму легонько стегнул его плёткой по лысине, подгоняя коня. — О чём думаешь? Раз князь решил — не передумает! Вперёд!

Он всё понимал.

Что задумал четвёртый князь Северных Ди, Чи Хао, теперь было ясно как день. Но прежде информации не хватало, многое ещё не произошло, подозрений было в избытке. Князь нуждался в подтверждении. Он сознательно пошёл на риск, инсценировал попадание в ловушку и близкую гибель, чтобы увидеть, какой ход сделает Чи Хао, кого привлечёт, кто проявит себя, какие твари выползут из щелей.

Долгое время враги видели угрозу лишь в одном человеке — в князе, в самом Страже Севере. По обычной логике, если князь «попал» в их ловушку и был на волосок от гибели, они должны были ликовать. Какие ещё дела им были нужны? Умри князь — все блага сами в руки плыли.

Но на сей раз Чи Хао, видимо, дал отцу какие-то обещания, вознамерился бороться за трон и слишком уж жаждал себя проявить. Задумал он слишком много, и замысел его был слишком глубок.

Поначалу, не видя всей картины, князь не почуял подвоха. Но для верности, по наитию, всё же отправил назад Вэй Ле. Кто бы мог подумать, что войска Северных Ди пройдут через владения семьи Чжан из Юньчжуна и в самом деле ударят по городу! Опасность для Цзююаня стала полной неожиданностью! Но и этого им показалось мало: Северные Ди ещё и заранее сговорились с дикарями, чтобы, с одной стороны, «убить князя-Стража Севера», а с другой — сковать князя Гуцзана и снова использовать дикарей для штурма! Вэй Ле, даже с его личной стражей, после нескольких таких ударов, будь он хоть трижды железным, не устоял бы!

Он и вправду не ожидал, что Гу Тин проявит себя столь блистательно. Его действия, казавшиеся наглыми и бестолковыми, на деле обнажили истинные лица врагов, сорвали их планы и разрядили напряжённую атмосферу в Цзююане. Этот юноша, не достигший ещё двадцати лет, не владеющий боевыми искусствами, осмелился открыто встать на городской стене и осыпать врагов бранью, не думая о собственной безопасности. Как могли солдаты не восхищаться им? Как могли горожане не воодушевиться?

А когда резиденция оказалась в опасности, именно он встал на защиту, устроив вдовствующую княгиню Хо Юэ и её брата Хо Цзе, и с охраной усадьбы поклялся защищать её до конца... Все детали Ся Саньму узнал лишь недавно и содрогнулся, представив, как всё могло обернуться. Будь на месте Гу Тина кто-то другой — вряд ли выстоял бы с таким упорством.

Когда близкие пришли, слова утешения звучали особенно сладко. Среди крови и стали кто не мечтает о домашнем тепле? Князь никогда не подводил народ, никогда не подводил Цзююань, никогда не подводил Дася. Звание «хребта Дася» он носил по праву! Но перед семьёй он и впрямь был не на высоте. Недостаточно времени уделял им, недостаточно заботился, недостаточно оберегал. Быть спутником князя — первое слово, что приходит на ум, уж точно не «счастье». Цзян Муюнь был прав. Но Гу Тин не дрогнул. Он так яростно защищал князя, даже родных и друзей оттолкнул — так решительно, так непреклонно... А ведь он верил, что князь «погиб».

Одна лишь мысль об этом заставляла сердце Ся Саньму биться чаще, и он даже слегка завидовал Вэй Ле. Ему тоже страсть как хотелось познакомиться с этим Гу Тином.

Гу Тин не был ни наложником, ни забавой. Такие слова — оскорбление для него. Он был достоин стать супругом князя-Стража Севера, был способен быть опорой его дома!

<http://bllate.org/book/16279/1466286>